

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

207

Востоковеды всего мира давно признали исключительную ценность творений великого азербайджанского классика Низами. Любой обзор истории персидской литературы обязательно содержит главу или особый раздел, ему посвященный. Большая часть авторов отзывалась о Низами крайне восторженно. Однако внимательное изучение этих отзывов наводит на мысль, что многие исследователи знакомились с подлинными произведениями Низами в лучшем случае по отдельным отрывкам, а чаще всего шли по стопам предшественников, только развивая и дополняя уже высказанное раньше.

Первые попытки публикаций произведений Низами, начавшиеся в XIX веке, обычно основывались на рукописях, по той или иной причине доступной издателю, без какого-либо критического отбора. По мере выхода в свет каталогов рукописных собраний отношение к материалу менялось. Издатели стремились использовать наиболее полную рукопись, навечно забывая о деятельности переписчиков. В последней четверти XIX века им, наконец, становится ясно, до какой степени шаткий материал представляют собой эти «полные» рукописи, в которые из-за «вольных и невольных» погрешностей переписчиков внесены строки авторов, подчас хронологически отделенных друг от друга несколькими столетиями.

Если мы обратимся к лучшим рукописям произведений

Низами, имеющимся в ленинградских библиотеках, то получим такую картину. Из датированных рукописей лишь одна относится к XIV веку (библиотека Ленинградского государственного университета), пять — к XV веку, семь — к XVI веку, а остальные переписаны значительно позже. Сравнение текста этих рукописей с тремя известными рукописями XIV века (две из Национальной библиотеки в Париже и одна из Бодлеянской библиотеки в Оксфорде) показало, что хотя искажений в рукописях XIV века, конечно, меньше, но они все же есть, и иногда более поздние рукописи дают значительно лучшие чтения, чем старые. Это не удивительно, так как самая новая рукопись может случайно восходить к лучшему образцу.

Помимо известных рукописей, существуют и забытые рукописи Низами. В 1978 году я побывал в Турции, и в городе Конья в мечети-музее великого творца XIII века Мевлана Джелаледдина Руми, в его личной библиотеке обнаружил две рукописи, относящиеся к Низами Гянджеви. Под рукописями надписи на турецком и английском языках, свидетельствующие о том, что это рукописи поэм «Хамсэ» и «Махзан ал-асрар». Стать на путь сравнения всех существующих рукописей, изучения их взаимоотношения и последующего отбора пока совершенно невозможно, так как при огромном количестве рукописей, их разбросанности и отсутствии на-

дежного описания всех рукописных собраний мира такую работу сейчас никто не смог бы осуществить.

Старейшей из известных нам попыток издания значительных отрывков текста Низами является книга «Асиатик Миселани», напечатанная в Калькутте в 1786 году. Этот сборник содержит текст всех двадцати притч из поэмы «Махзан ал-асрар».

В 1844 году английский востоковед Натаниэль Бланд полностью опубликовал персидский текст первой поэмы Низами «Махзан ал-асрар» («Затреже оф секрет»). Н. Бланд дал текст сравнительно неплохой, однако еще весьма далекий от требований, которые мы можем сейчас предъявить к критическому изданию. Остается неясным, пользовался ли Бланд существующими к этой поэме комментариями. В ряде мест можно констатировать даже явное непонимание издателем текста, и отмечены случаи, когда строки попадали явно не на свое место.

Обращаясь к переводам, приходится отметить, что и здесь картина не более утешительна. За переводы Низами английское востоковедение взялось давно. Еще в 1836 году Джон Эткинсон опубликовал имевший большой успех и дважды — в 1894 и 1905 годах переизданный затем перевод поэмы «Лейли и Меджнун». Перевод этот крайне неточен, местами грубо ошибочен и сейчас может представлять только исторический интерес.

В 1881 году Х. Кларк опубликовал перевод первой части «Искандэр-намэ». С оригиналом этого издания я не мог ознакомиться, к сожалению, ни в Советском Союзе, ни будучи в Британии или в Турции. Но если судить по переводу Хафиза Ширази, выполненному тем же Х. Кларком, и по сделанной им уже в самом переводе заглавия книги курьезной ошибке, упомянутая работа едва ли может быть ценным вкладом в науку.

В 1924 году К. Уилсон выпустил перевод «Хафт пайкар» («Семь красавиц») с комментариями. Работа сделана им тщательно и заслуживает внимания. Недостаток ее только в том, что переводчик не имел критического издания текста, а потому и не был в состоянии справиться с рядом возникавших у него трудностей.

Что касается лирики Низами, то первые сведения о диване Низами ориенталисты (Хаммер, Эрдман) почерпнули у Даулатшаха, который сообщает: «Диван шейха Низами, помимо «Хамсэ», составляет двадцать тысяч бейтов, он содержит много приятных газелей, мувашшавов и искусственных стихов».

В. Бахер первый обратил внимание на такие строки из поэмы «Лейли и Меджнун»: «Однажды в благоденствии и веселье пребывал я в кай-кубадовской радости. Полумесца моих бровей раздвинулись,

лежал предо мной диван Низами».

Тот же В. Бахер обратил внимание на известие Закарийи Казвини о существовании дивана. Из приведенных выше строк он заключил, что диван был окончательно отредактирован Низами в дни получения им заказа на поэму «Лейли и Меджнун», то есть в мае 1188 г.

Так ли это? В. Бахер считал также, что весь диван Низами погиб и до нас не дошел. Однако каталоги других западноевропейских ученых показывают, что три рукописи, озаглавленные «Диван Низами», не только дошли до нас, но и хранятся в библиотеках Европы. Это известие почему-то ориенталистов не заинтересовало, и рукописи мирно покоились на полках до 1922 года, когда их просмотрел известный голландский ученый М. Хоутсма, опубликовавший результаты своих наблюдений в краткой заметке «Сам римакс он зе диван оф Низами». Заметка М. Хоутсма, конечно, не претендовала на полное исследование вопроса, но она констатировала тот важный факт, что сохранившийся диван действительно принадлежит Низами, ибо в списках встречается его «тахаллаус» (псевдоним).

В 1935 году известный чешский иранист Я. Рыпка опубликовал в Тегеране двадцать газелей Низами по старому рукописному сборнику библиотеки Аяя София в Стамбуле и дал обстоятельный их анализ.

Наконец, в 1940 году вышла работа, над которой долгие годы трудился В. Дастгирди, представляющая собой первую настоящую попытку собрать все, что возможно, из лирики Низами. Ученому удалось собрать фотокопии и списки восьми рукописей — берлинской, уже упомянутых рукописей Бодлеянской библиотеки, рампурской, лакнауской, библиотеки Бухар в Калькутте, тавризской, сводного текста Казии Ахтармiana Джунакадаи.

Все же результат этой работы не вполне оправдал ожидания. Составы всех этих рукописей оказались очень близкими друг к другу, что доказывает их общее происхождение от какого-то одного источника, но полного дивана Низами ни одна из них не содержала. Все они, совершенно очевидно, включают не всю лирику Низами и, что еще печальнее, в значительной степени заполнены стихами, Низами не принадлежавшими.

В. Дастгирди так объясняет это вторжение чужих стихов в диван Низами Гянджеви. Поэтов, носивших тахаллус Низами и Низам, было много. Кроме всем известного автора «Чахар макала» Низами Арузи, он упоминает еще следующих поэтов: Низам Камари, Низам Астрабади, Низам Джамии, Низам Бухарайи, Низам Минури, мурла Низами Табризи. Будучи в Англии, я ознакомился с творениями этих «Низами». При Сефевидях было еще несколько поэтов с этим тахаллусом. Отсутствие

рукописей дивана Низами Гянджеви, видимо, привело к тому, что в поисках его лирики диван пополняли второстепенными произведениями этих давно забытых поэтов. Так случилось, что из пятидесяти шести газелей сборника тридцать вызывают большие сомнения в своей подлинности.

Не касаясь здесь поэтических достоинств многих переводов Низами, замечу только, что в смысле близости к оригиналу они оставляют желать лучшего. Творчество Низами не только глубоко и богато по содержанию. Низами также величайший мастер поэтической техники. Сохранить и глубину содержания, и изумительное совершенство формы смог бы лишь очень талантливый переводчик.

Не отрицая необходимости стихотворных переводов, которые в случае удач могут вырасти в крупные художественные произведения, я считал бы все же необходимым опубликование наряду с ними прозаических переводов, выполненных художественной прозой, точно передающих оригинал и сопровождаемых комментариями, вскрывающих все мастерство Низами. Эти переводы принесут большую пользу как литературоведам, так и специалистам, работающим в родственных областях науки.

Ф. ГУЛИЕВ,
преподаватель кафедры иностранных языков
АПИРЯЛ имени М. Ф. Ахундова.